

ПЕТРУШКА-ПАНЧ КАК АСОЦИАЛЬНЫЙ ТИП

ТЕЗИСЫ

1. Вступление.

Персонаж театра кукол типа Петрушки встречается во многих театрах мира: Панч, Пульчинелла, Полишинель, Карагёз, Палван Качаль.

Этот персонаж или театр, который обычно называют его именем, живет в народной традиции много веков. Интерес к нему иногда затухает, потом возрождается, но эта кукла не умирает. «Мистер Панч слишком стар, чтобы умереть», как говорят англичане.

Различные народы, живущие в разных концах Земли, считают этот театр своим народным театром, а главного персонажа представителем именно своего народа. Но при этом во всех этих театрах играют очень похожие сцены, а главный герой имеет больше общих черт, чем различий.

Среди историков театра кукол и публики распространено мнение, что Петрушка – Панч - Пульчинелла персонаж сатирический, так сказать, «народный критик» социальных установлений. На этом основании, многим кажется, что Петрушка сегодня может быть интересен, только если он будет актуален, что необходимо вводить в спектакль современные типажи, приметы сегодняшнего дня, острую политическую сатиру. Это возможно, но не это главное в Петрушке.

2. Homo primitivus.

С нашей точки зрения Петрушка-Панч не является ни типажом народного характера, ни персонажем народной сатиры.

Мы не один раз видели реакцию русской публики на итальянского Пульчинеллу и английского Панча. И нам доводилось выступать перед публикой, не говорящей по-русски. И во всех случаях, действия Петрушки, Панча, Пульчинеллы были понятны всем без перевода: иностранец-Панч воспринимался московским уличным зрителем как «свой в доску», также как иностранец-Петрушка был «своим» для лондонской публики. При этом смех публики вызывали классические репризы, над которыми смеются сегодня точно так же, как 300 лет назад. Это доказало нам, что театр Петрушки универсален и не зависит ни от времени, ни от языка.

Таким образом, Петрушка смешит людей на том уровне сознания, на котором не существует культурных различий, на уровне архетипа. Петрушка-Панч рассматривается нами как персонаж, зафиксировавший в себе досоциальное и донациональное сознание. Человек первичный. Не Homo sapiens, а Homo primitivus.

Для доказательства этого тезиса мы сравним поведение Петрушки-Панча в спектакле с поведением человека, который ещё не познал социальных правил и национальных особенностей поведения.

Такой человек хорошо знаком каждому из нас – это маленький ребёнок.

Человек играющий.

Что делает Петрушка на сцене? Женится, покупает лошадь, болеет, идет в солдаты и т.д. То есть он примеряет на себя различные социальные роли. Реприза выстраивается по законам простейшей игры: распределение ролей – "я доктор, я Петрушка, я солдат ", затем – развитие конфликта и мгновенный, катастрофический обрыв репризы: "трах, бах, – убит!". Когда сюжет игры исчерпан, Петрушка, как и ребенок, с легкостью начинает новую игру, новую роль, не вспоминая о прошедшей.

Петрушка исследует мир точно так же как и ребенок – играя. И нам интересен этот способ исследования мира. Результат этого исследования может быть абсурдным в нашем понимании: Петрушка садится на лошадь задом наперед, ребенок надевает тарелку вместо шляпы. Но именно неожиданность решений привлекательна для нас.

Однако игра – не только, да и не столько познавательная деятельность, но, прежде другого, деятельность, имеющая целью саму себя. Не познание – узловая цель игры, но удовольствие от процесса игры! Петрушка, как и ребенок, наслаждается самим процессом движения. Именно поэтому нам так весело на него смотреть. Наблюдая Петрушку дети-зрители не раз пускались в пляс на наших глазах!

Драка и смерть.

Театр Петрушки-Панча наполнен драками. С культурологической точки зрения драка Петрушки восходит к ритуальным сражениям с силами зла, которые имеются у всех архаичных культур. С театральной точки зрения, драка – музыкальный номер, танец. С социальной точки зрения, драка – самый простой способ решения конфликта, присущий примитивному сознанию. В поведении маленьких детей мы это часто можем наблюдать – действие вместо слов. Мы не можем рассматривать поведение Петрушки с точки зрения: морально или аморально он себя ведет. Петрушка, как материализованный образ доморального сознания не знает этих критериев. И потому решает свои проблемы дубинкой.

Если считать, что в глубинах нашего сознания примитивный человек не умер, то тогда можно сказать, что в Петрушке сублимируется наше желание решать свои проблемы так же просто. В этом одна из причин того, почему нам так нравится Петрушка.

Мы не знаем на какой стадии развития человечества Человек осознал личную смерть, но мы очень хорошо знаем, что маленький ребенок смерти не осознает. Петрушка тоже не осознает смерти и вообще возможности наказания. Но самое интересное то, что и мы не допускаем смерти для самого Петрушки. Это удивительно, но это так: мы не допускаем, что Петрушка может умереть. С другой стороны, Петрушка с легкостью убивает всех подряд, начиная с собственной жены и заканчивая палачом. Почему так? Очень просто – все эти персонажи для

Петрушки не живые люди, а игрушки. То есть смерть персонажа в данном случае не является вполне смертью. А убийство не является убийством. Мы очень хорошо видим, что снятая с руки кукла превращается в тряпочку. Мы относимся без сожаления к персонажам пьесы убитым Петрушкой, не потому что эти персонажи нам не симпатичны, а потому что сами убийства игрушечные.

Человек асоциальный.

"Ужасные" игры Петрушки, все эти "избиения", "убийства", "похороны" и прочее, ужасны, только если рассматривать Петрушку через призму "характерности", "социальной типичности" или педагогики. Но Петрушка вне этих критериев.

Смысл деятельности ребенка, всей его жизни в освоении жизненного пространства. И в расширении жизненного пространства. Но расширять что-то можно только по границе. Тот, кто пытается расширить свое пространство, всегда находится на границе дозволенного и недозволенного. Ребенок всегда пытается сделать то, что ему запрещают. Петрушка реализует в театре эту маргинальную модель поведения. Он всегда маргинал.

Однако, принципиальное отличие между Петрушкой и ребенком в том, что ребенок, расширяя границы поведения, обучается, социализируется. Петрушка же не обучается ничему. Он вечно ходит по кругу, зафиксировав в себе состояние вечного конфликта с окружающим миром.

Голос Петрушки.

Голос Петрушки отделяет его от всех других персонажей. Если все остальные персонажи спектакля – можно сказать наши современники, то Петрушка, благодаря голосу, сразу переносится во вневременную область.

Голос Петрушки создаётся при помощи специального приспособления - голосового модификатора. Голосовые модификаторы такой конструкции применяются во многих традиционных театрах кукол по всему свету: в Азии, в Европе, в Африке. Это говорит о большой древности самого инструмента – пищика, и указывает на древнейшие корни театра Петрушки.

В театре Петрушки «пищик» выполняет двойную роль: первое - он служит для речевой характеристики главного героя, второе - смех Петрушки – основная музыкальная тема спектакля.

Музыкальная партитура театра Петрушки очень богата, поскольку создаётся двумя типами инструментов: духовым – swazzle и ударным – колотушка Петрушки. Иногда к ним прибавляется струнный инструмент, на котором играет рассказчик, нарратор, которого в русской традиции называют «Музыкантом».

Можно сказать, что пищик указывает на то, что театр Петрушки в меньшей степени вербальный, разговорный, но в большей степени театр пластический. Бруно Леоне, знаменитый Пульчинелла из Неаполя, называл театр Пульчинеллы джазом. Петрушка больше показывает, больше действует, чем рассуждает и разговаривает.

3. Петрушка и политика.

То, что театр Петрушки-Панча не рассматривается носителями этой культуры как театр сатирический или политический, хорошо иллюстрируется словами уличного Лондонского Панча Конрада Фредерикса. Он говорит: «Я работаю с уличной толпой и мне нужно, чтобы она платила деньги. Если я скажу что-то против лейбористов, то лейборист в публике обидится и не заплатит. Если буду критиковать консерваторов, то не заплатят они. Я должен говорить не о политике, а общечеловеческих проблемах». Мы не можем не прислушаться к свидетельству артиста, тридцать лет посвятившего уличному шоу Панча.

Тем не менее, поведение Петрушки, его репризы часто воспринимаются как сатира. На наш взгляд, механизм этого явления такой.

Типичные репризы комедии Петрушки (шоу Панча) основаны на архетипических положениях или противопоставлениях: мужчина – женщина, обыватель – представитель власти, покупатель – торговец, больной – доктор, солдат – офицер, подсудимый – палач и так далее.

Каждое из этих положений с одной стороны известно любому жителю Земли на личном опыте, с другой стороны, несет в себе определенный комический заряд. Если к общеизвестному положению прибавить узнаваемую конкретную деталь – изобразительную, пластическую или словесную – то получится конкретная сатирическая реприза.

Сатирическая мысль, которую высказывает Петрушка, с одной стороны должна быть проста и абсолютно понятна публике, должна как бы висеть в воздухе, быть растворенной в сиюминутном политическом контексте, с другой стороны эта мысль должна иметь ясно прочитываемое пластическое выражение.

Я приведу два примера: один из истории театра кукол, другой из практики нашей работы.

Во время Великой французской революции XVIII века, во время массовых казней аристократов, классическая реприза казни, известная в театре Пульчинеллы – Полишинеля за 200 лет до того, воспринималась как актуальная политическая сатира. Для того чтобы архетипическую ситуацию перевести в актуально-политическую, достаточно было куклу, которую казнили, переодеть в камзол и треуголку аристократа. Публика, одетая в красные колпаки санкюлотов, мгновенно прочитывала намек.

У нашего театра есть опыт политической репризы. Например, в театре Петрушки есть классическая реприза драки Петрушки с собакой. Всем в России известно, что Путин имеет черную собаку по кличке Кони. В этой ситуации понятно, что появление на сцене черной собаки, которую Петрушка называет «Кони», будет однозначно воспринята российской публикой как политический намёк. Особенно после того, как Петрушка «портит воздух» в нос собаке, а музыкант комментирует её недовольство так: «Оппозицией пахнет!»

Наш опыт говорит о том, что как только настроение публики изменяется, сиюминутный накал политических страстей угасает, сатирический текст публикой не прочитывается. При этом сами архетипические ситуации, очищенные от политики, по-прежнему вызывают смех.

Петрушка – эгоцентрик. Он знает только себя. И в этом качестве он не может быть проповедником какой-либо позитивной идеи. И не может последовательно занимать чью-либо сторону в политическом споре. Он всегда сам по себе. И в этом смысле вне политики.

4. Заключение

В определённой ситуации, в определённом контексте политической жизни Петрушка может восприниматься публикой как сатирический персонаж, но сам при этом остаётся свободным. Маргинал всегда свободен.

Главное в Петрушке то, что Петрушка всегда остаётся самим собой. Петрушка дорог нам не потому, что бичует пороки, а потому что смеётся. А смеётся Петрушка не над чем-то или кем-то, смеётся он, потому что весел. А весел он согласно своей собственной природе. Природа же Петрушки – неуничтожимая жизнь.